

27

МИХАИЛ ДОБРЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Добрый

27

«Автор»

2026

Добрый М.

27 / М. Добрый — «Автор», 2026

Д. живёт в провинциальном городе, пишет статьи, ходит в кино, влюбляется, обретает и теряет друзей, пытается найти себя между меланхоличными вечерами и похмельями. Его жизнь – калейдоскоп случайных встреч, романов, разговоров в барах и ночных прогулок. Но за этой внешней лёгкостью скрывается человек, который боится, не умеет прощать себя и ищет спасения в дневнике.

© Добрый М., 2026

© Автор, 2026

Михаил Добрый

27

Содержание

Письмо	3
Дневник	5
Отчёт	135

МИХАИЛ ДОБРЫЙ

«27»

Дизайн обложки: Кириченко Елизавета

Оформление текста: Сатарова Лилия

Письмо

Здравствуй, милый

Пожалуйста, не сердись, что я пишу тебе письма и не отправляю их. Я знаю, что они не дойдут. Просто меня это успокаивает.

Соня уже совсем взрослая, вчера ей исполнилось шест-надцать и мы праздновали ее день рождения на веранде.

Из города приезжали друзья, поздравляли ее, привезли целую кучу подарков, хотя дочка, как и ты, не любит их принимать.

Твою книгу в этом году переиздают. Брат сказал,

«Не писатель пишет книгу, а книга пишет сама что появились изменения в цензуре. Не нравится им, себя при помощи автора» как ты о государственности в ней написал, поэтому

будут редактировать эту часть. Я дала добро. Надеюсь, **Хорхе Луис Борхес** ты не против.

А что до твоего дневника... Прежде чем позволить себе рассказать о нем Соне, я прятала его на чердаке среди коробок с альбомами и книгами. Она выросла любопытной, вся в тебя. Как-то раз полезла на чердак и нашла его.

Пришлось рассказать, как все было.

На самом деле вы с ней почти неразличимы. Оба неразговорчивые, хотя приветливые, трудолюбивые, амбициозные. Сонечка бегаёт всюду, работает без усталости, все мне старость благополучную хочет обеспечить.

А я. . Я просто не мешаю ей делать то, что нравится.

Так же, как не мешала и тебе. Я отдала ей дневник. Это было непросто: чувство утраты все еще одолевает меня, но я понимаю, что дочь должна знать, кто ее отец.

Знаешь, в ту ночь я видела твои глаза – они не были

2

Михаил Добрый

«27»

3

похожи на прежние. Объятия были крепче. В каждом

Дневник

твоим словом будто сквозила печаль, понять которую мне было не по силам. Хотя порой мне казалось, что я знала

6 августа

тебя лучше, чем саму себя. Я тогда точно могла понять, Город. Его запах, шум, темнота улиц, забвение. Все

что с тобой что-то не так даже на расстоянии в несколько-это вдохновляет, воодушевляет, подхватывает писате-ко километров. Пусть мне до сих пор не ясно, зачем ты
лей, поэтов, художников, архитекторов. Город спосо-выбежал на улицу и что же на самом деле произошло в ту

бен сделать из человека ничтожество, или напротив, ночь, я рада, что после нее появилась Соня.

наградить его неожиданным успехом. Он может съесть, может выплюнуть. Кого-то город не примет, кого-то

Скучаю по тебе.

поглотит с концами. Предугадать невозможно, он слыш-Твоя М.

ком хаотичен. Но одно известно наверняка – город хоть и учит смотреть сквозь людей, но никогда не остается

2 ноября, 19 г.**

равнодушным.

Снова дождь. Мыши пищат в стене. Одна выбежала на стол, посмотрела на меня своими наглыми глазами-бу-синами и скрылась за перегородкой. Господи, как же

они мне надоели!

Идеи, приходящие в голову во время прогулок, тут же исчезают, как только я перешагиваю порог собственного

дома. М. посоветовала обзавестись записной книжкой, чтобы не терять мыслей зря.

Думаю, есть в этом какой-то смысл.

Рассказывать абстрактно, в никуда, зная, что никто

тебя не слушает – противно. Нужен кто-то, кто поправит, поспорит, измучает вопросами.

Или хотя бы обращение.

Да, обращение, пожалуй, необходимо.

Буду звать тебя Грум. Не потому что я твой владелец

и имею полное право распоряжаться тобой, как записной

4

Михаил Добрый

«27»

5

книжкой, вовсе нет. Просто так проще. Не сочти такое

ничего: ни мыслей, ни сил, ни желания существовать.

обращение за грубость, дорогой Грум.

Значит, пора спать.

18 августа

Пару дней назад начал писать книгу. Черт его знает, Здравствуй, дорогой Грум!

что получится. М. прочитала мои записи в журнале

Ходил вчера в библиотеку работать над книгой. Там

и сказала, что у меня талант. Не талант это, а вольное

тихо, безмятежно, пахнет пожелтевшими страницами

пьянство. Ну да ладно, стоит попробовать. Хуже от этого

и отсутствием людей. Пишется робко, но живо. Сложно

никому не будет.

придумывать имена героям. А может и к черту их?

В поисках исторических справочников я наткнулся 11 августа на одну интересную книгу – «История языка».

Осточертела эта комнатуха! Пространство два на три в институте у нас был зачет по этому предмету, поэтому метра не способствует мышлению. К тому же холодно я до сих пор хорошо помню его, и, наверное, поэтому ночами.

книга привлекла мое внимание. Открыв первые страни-Надо пройтись по набережной. Согреюсь и погляжу

цы лишь для того, чтобы вспомнить некоторые моменты, на мир вне моих мышинных стен. я увяз в словах, их этимологии, переводе на другие языки.

Разбираясь в этих мелких черточках, из которых склады-

ваются буквы, буквы – в слова, слова – в предложения, Милый Грум, это была чудесная прогулка! Фонари

а те – в целые тексты, я унесся в пространные размыш-светят как звезды, только очень близко, машин почти нет, ления о языке и его значении лично в моей жизни. Благо-водная гладь канала безмятежно стоит, колеблемая лишь

даря языку у меня есть работа, место, где я могу спать

легким ветерком. Вот оно – вдохновение!

и есть, близкие, знания и мои писательские навыки. Все

эти заметки в журналах, письма, книги, даже подписи –

все это существует только благодаря языку, такому неза-Не могу уснуть вот уже четыре часа. Мысли высасы-метному, такому повседневному инструменту в руках

вают из меня все силы. Надо что-то написать, это един-каждого человека. Ценить его – значит ценить самого

ственный надежный способ уснуть.

себя, оберегать язык – значит оберегать собственное благополучие.

Я взял эту книгу на несколько недель вперед, чтобы

Почти шесть часов утра. Увлёкся. Теперь у меня нет

вновь изучить язык, но теперь сделать это более углуб-

Михаил Добрый

«27»

7

бленно и осознанно. Надеюсь, изучив ее, мне удастся

написать собственную книгу именно так, как это делали

Она была чудесна, как вечер.

Набоков, Флобер, Толстой, Грин, Уайльд.

Пожелай мне удачи.

20 августа

Здравствуй, милый Грум.

Сажу в небольшом кафе на городской набережной.

Рад, что мне удалось купить пальто на осень.

Обстановка тут уютная: мягкие диванчики, позволяю-Да, ношенное, не новое, однако в прекрасном состо-щие после долгого рабочего дня отдохнуть в их объяти-янии. М. должна оценить. Хотя на фоне ее изящной

ях, симпатичные столики на трех ножках, ненавязчивая фигуры в этом белом летнем платье, в блеске ее золотых музыка, льющаяся из музыкального автомата, приветли-кудрей и восхитительных, от рождения длинных ресниц, вые официанты, вежливо и учтиво помогающие сделать под которыми, как под деревьями, раскинулись поля ее выбор. Сегодня мой выбор пал на бокал вина и неболь-зеленых глаз, я буду выглядеть как уставший небритый

шой кусочек мяса. Оглядываясь по сторонам, я замечаю бурлак, тянущий за собой великолепную бригантину.

самые разные лица. Пока одни жадно чавкают, наби-И как только я могу ей нравиться? вая рот деликатесами, другие пьют кофе, чай или вино и рассказывают о прошлом, настоящем или грядущем.

Некоторые из них мне знакомы. Работа обязывает запо-Не могу сидеть тут, в четырех мученических стенах.

минать имена и фамилии даже тех, с кем я разговаривал

Сверху – топот соседей, слева – продуваемое ветром

всего раз в жизни. Кого-то я знаю лично, они едва замет-окно, а справа – играют на фортепьяно. Это будет

но кивают в знак приветствия, не отрываясь от трапе-продолжаться до девяти часов вечера, как и каждую

зы. Однако мое внимание привлекает вон тот смуглый

пятницу. Как же я устал от этого выходного человеке-низенький мужчина лет тридцати, сидящий за барной

ского шума.

стойкой в костюме. Компанию ему составляет высокая

дама, чьи волосы горят воинственным рыжим пламенем.

Мужчина активно жестикулирует, громко рассказывает

Вечером пойду к М. Только что звонил ей, договори-какую-то историю. До меня долетают лишь обрывки

лись встретиться после семи в кинематографе. Надеюсь, фраз: «Судно», «Африка», «Семья», «Киль». Очевидно, ей удастся отпроситься с работы пораньше. К тому же мужчина моряк, а женщина – его новая возлюбленная.

она работает в том кинотеатре, куда мы купили билеты.

Пожалуй, он не стал бы так страстно рассказывать о себе, Уж на час раньше-то можно отпроситься.

не рассчитывая на ночь взаимной любви. Иногда такие

8

Михаил Добрый

«27»

9

ночи становятся роковыми, поворачивая жизнь в совер-как на животное, запертое в клетке зоопарка, напрас-шенно новое русло, когда холостяк становится мужем, но пытающееся привыкнуть к новым условиям жизни.

а одинокая девушка – женой.

Оторвав глаза от тарелки, он заметил меня.
Лицо его напомнило мне давнего знакомого, това-
– Чего надо? – громко спросил он, стерев рукавом пот
рищество с которым мне представляется довольно
со лба. В ресторане было довольно жарко, несмотря
неуклюжим. Зовут его Р. Он капитан одного из крупных
на открытые окна. Несколько посетителей обернулись
судов, выходящих через Балтийское море в бескрайний
на его вопрос, а я устремил глаза в свою чашку и продол-океан. Дальнее плавание всегда
занимало у него боль-жил скромно пить уже холодный кофе.
шую часть жизни. Единственное, что он видит каждый
Через час штоф на его столе опустел. Он громко
день, выходя в море, – голубая вода на фоне чуть более
звал официантку по имени, щипал ее, смеялся и боль-светлого, но все такого же голубого
неба. Время в тихих
ше не резал мяса, а отрывал кусок бифштекса зубами.
водах тянется томительно долго, заставляя всю коман-Удивительно, как неоригинально
водка подействовала
ду искать себе развлечения на палубе, в каютах, трюмах
на его стеснение. Поднявшись со своего места, слег-или столовой. Конечно, бывают и
непростые дни, когда
ка пошатываясь, он направился в уборную. Шаги его
на море поднимается ураган, кренящий судно то в одну, были впечатляющие, он шел
твердо и целенаправленно.
то в другую сторону, что делает работу на палубе опас-У барной стойки его массивная
фигура едва не сбила
ной для жизни, но таких дней, к счастью, не много.
с ног официанта, худенького паренька, державшего
Р. рассказывал, что, возвращаясь спустя несколько
в руках поднос с сэндвичами. Конечно, все повали-месяцев морской качки на сушу, всей
команде стано-лось на паркетный пол и молодой человек принял-ся это
вится не по себе. По прибытии им приходится несколь-убирать. Что-то пробормотав,
вероятно, извинения, Р.
ко месяцев ощущать не уходящую из-под ног землю, исчез за дверью уборной.
что делает ориентацию в пространстве затруднительной.
Я попросил счет, надел пиджак и вышел из рестора-Во время одного из таких прибытий
я и познакомился
на. Был приятный июльский вечер, звезды едва видне-с ним. Он сидел в ресторане, где
я эпизодически пил кофе
лись, шум машин стал далеким, а прохладный ветерок
или пиво, слушая новости. Его громадная фигура, внеш-обильно осыпал своими поце-
луями шею и небритые
не напоминающая скорее бурого медведя, нежели чело-щеки. Я курил у выхода, смотря
на проезжающие вдалеке
века, сидела напротив моего столика, неумело пользуясь
автомобили и думая, как закончить вечер. В этот момент
столовым ножом и вилкой в надежде деликатно разрезать
в проходе появился он.
кусок мяса на белой тарелке. Рядом стоял штоф водки

– Лишней сигареты не найдется? – твердым голосом и рюмочка на аккуратной ножке. Я уставился на него, спросил меня мой собеседник.

10

Михаил Добрый

«27»

11

– Да, вот, держи.

слов, чем в пустой трате речевых способностей. Капитан

Он вынул из заднего кармана брюк зажигалку и тихо

смотрел в небо, на неполную луну, по всей видимости, закурил. Мне хотелось заговорить

с ним, но не было

размышляя о чем-то, что не ложилось на язык. Вдруг

идей, как начать разговор. Мы просто смотрели в одну

он повернулся ко мне.

сторону, думая, как бы ликвидировать эту неловкость.

– Семейку хочу, представляешь. Женщину хочу нормаль-Серая его рубашка, небрежно заправленная в брюки, ну, а не такую, чтоб только кошелек мой видеть умела.

облегала грудь и плечи, выделяя их, как его главное

– Неужто все женщины настолько меркантильны?

преимущество перед другими субъектами мужского пола,

– Та нет, не меркантильны, да что-то с ними не так.

и наверняка привлекая женщин. Я подумал, а не угостить

А что, приезжаю домой, сплю с одной, даю ей денег

ли этого субъекта еще парой рюмок водки.

столько, чтоб она не ушла, а она раз и пропала. Овца

– Тебе сколько лет? – опередил он меня. Я ответил.

паршивая!

– Молодой еще, зеленый. Работаешь кем? – Я рассказал

– С кем не бывает. Просто не твоя женщина.

ему, что постоянной работы у меня нет, но что человек

– Я тогда иду, значит, в ресторан, напиваюсь, знаком-я не брезгливый, готов выполнять разного рода работу, люсь с другой, угощаю, мы спим, даю ей денег и бац, лишь бы платили честно.

снова ничего. Черти что творится с этим миром.

– Это ты верно гутаришь. Честность, она везде нужна.

– Так может хватит давать им деньги сразу после

Я вот на судне уже семь лет хожу туда-сюда, грузы разво-совместной ночи?

жу, за судном слежу, на суше бываю пару-тройку месяцев

– Да не могу я.

в году, черт бы ее побрал.

– Как это?

– По тебе не скажешь, что ты суши не любишь.

– Не могу я не давать. Мне эти бумажки нужны что ли?

Он пропустил это мимо ушей, видимо, не желая разви-Нет, конечно. У меня их уже столько, что до конца жизни

вать мысль. Начало разговора было положено, и я был

можно не работать, да только в рейс все тянет. Море

рад, что начал его не я. Вскоре мне стало известно, бросить не могу, оно мне матери уже

роднее. А на землю

что этот уже немолодой человек служил на судне капи-стугаю, сразу все не то. Трачу на всех, кроме себя. Одной

таном. Он практически жил на корабле, правя и указы-даже квартиру подарил.

вая всем, кто там находился, что необходимо сделать.

– И что, тоже ушла?

Он так долго рассказывал о своем механическом ковче-

– Ага. Живет там теперь со своим хахалем и сынишкой

ге, что в какой-то момент мне стало тоскливо и скучно малым. Сволочь крашенная!

слушать его. Но потом он вдруг затих на несколько минут.

Капитан ругался почти мягко, без эмоций, будто

Я не желал прерывать эту тишину, в ней было больше

по сценарию, который он зачитывает уже в сотый раз.

12

Михаил Добрый

«27»

13

Мы долго простояли у входа в ресторан, разговаривая не почта не работает. Надеюсь, в калейдоскопе пьяных о судьбе капитана, а позже он пригласил меня в другое отпусков и ночных романов он все-таки нашел ту, с кем заведение напротив отеля, в котором проживал. Меня смог провести больше одного вечера.

поразило, как много он мог выпить и не опьянеть – капитан заказал еще две кружки темного пива и пол-литра

24 августа

водки. Казалось, ему было легче переносить жизнь

Вчера ходили в кино на какую-то совершенно глупую

пьяным, нежели мыслить трезво.

комедию. Все герои только и делали, что бегали друг

Сколько бы раз я ни пытался убедить его сменить образ

за другом на ускоренной пленке. Абсолютно не стоящая

жизни, на все мои уверения он отвечал однозначно: внимания картина.

– Не могу.

Когда мы вышли из кинотеатра, М. взяла меня под руку

Весь этот маршрут – плавание, отпуск, алкоголь, и мы последовали за идущей впереди нас парочкой

женщины, плавание – капитан проходил сотни, если

к выходу. Погода стояла замечательная: вечерняя мали-не тысячи, раз в течение семи лет. Он хотел семью

новая заря, то тут, то там крохотные облачка, легкий

и не мог бросить пить. Хотел семью и не мог пере-летний ветерок, теплый асфальт под ногами, наряд-стать обнимать ночью продажных женщин. Хотел

ные посетители кинотеатра и кафе, и сияющая счастье-семья и не мог бросить работу.

Его страх изменений

ем М. Мне страшно не хотелось возвращаться к себе

не позволял вырваться из привычного уклада вещей.

в узкое пространство книжных полок и кровати, поэто-Он не рассматривал возможность уходить в море реже

му мы решили прогуляться по живописной набережной или перестать искать любовь в питейных заведениях, но, полной таких же, как мы, парочек в это чудесное

будучи смертельно пьяным. Его ужасала сама возмож-воскресенье. Там же я купил М. букетик розовых гипсо-ночь изменений, что и сделало всю его жизнь замкну-фил, которыми торговала миловидная старушка с блед-тым кругом вечно повторяющихся действий. Извне но-алым платком на голове. Тогда глаза М. буквально помочь ему было нельзя: он сам должен был сделать вспыхнули, она едва не визжала от радости, а я просто выбор – оставить все как есть и продолжить стра-наслаждался блеском ее восторга. дать от одиночества и алкоголизма или поменять свою После прогулки она предложила зайти к ней и вслух жизнь – конечно, не без потерь, – но наконец достигнуть прочитать ей пару рассказов. Сказала, это помогает желаемого.

ей лучше спать по ночам.

Интересно, как сложилась судьба Р. дальше.

Когда мы зашли в квартиру, первое, что я почувство-Мы не виделись с ним уже, наверное, пару лет. Я писал

вал – это запах книжных полок. Вся гостиная М. устав-ему, но ответа на письма не получал. Полагаю, в океа-лена стеллажами, забитыми книгами, журналами, нотами

14

Михаил Добрый

«27»

15

и цветами. В центре гостиной стоит фортепьяно, достав-Я отложил журнал на кофейный столик, стоящий

шеется ей от покойной бабушки. К сожалению, бабушка рядом, посмотрел ей прямо в глаза. Это были глаза не успела научить внучку игре на этом лакированном самого искреннего зеленого цвета. Она не могла врать, гиганте, изрыгающем из себя звучные мелодии, зато

в тот момент ее мысли были далеко от этой квартир-он вполне умело заполняет пространство своим молча-ки. Я нагнулся и поцеловал ее горячие влажные губы.

нием. М. ухаживает за ним, моет, чистит, просит соседа

Она сразу же очнулась и ответила мне тем же.

снизу – пианиста – настроить его после своих несчаст-Через полчаса я, лежа на диване под покрывалом

ных попыток самостоятельно научиться играть.

белого цвета, наблюдал, как она шла к кухонному столу

Сидя за фортепьяно, можно свободно наблюдать

за графином с водой. Нагая, золотистая, прелестная.

за людьми, гуляющими под окнами. Стекла пропу-Ее ноги не ступали на пол, а обнимали его, словно поток

скают сквозь себя свет, зимой согревая, а летом мучая

воды в пологом ручейке, который своей влагой обнимает

хозяйку квартиры духотой. Чтобы лето проходило легче, каждый камешек.

под высоким потолком М. повесила тяжёлые коричне-Вечером я вернулся к себе совсем уставшим, но эта

вые шторы, которые едва пропускают солнечные лучи.

усталость была не мучительной, как после долгой рабо-В соседней комнате, через велико-
колепную арку, виднеется

ты, она была сладкой на вкус и по запаху напоминала
диван, на котором М. проводит большую часть дня, читая

маковое поле. Казалось, я был счастлив. Как бы мне хоте-или занимаясь французским
языком. Я провалился в его

лось, чтобы каждый вечер был таким, как этот короткий, мягкость, ожидая ее. М. напра-
вилась к книжным полкам, но всеобъемлющий вечер.

выхватила оттуда журнал, в котором когда-то публикова-лись мои рассказы, и вложила
мне в руки.

– Читай!

Сквозь поле золото-багряных снов

– Как прикажете, капитан!

Бреду не бережно, но нежно.

Я стал читать ей «Романтика в камышах», а она в это

Тут запах свежих дней и гул надежды

время улеглась на диван, положив голову мне на коле-И нет дверей, закрытых на засов.

ни и глядя мне прямо в глаза. Когда я закончил читать, *Примите в дар же эти скромные
цветы.*

она лежала у меня на коленях и по щекам в разные сторо-В них толку для меня не более,
ны у нее текли слезы.

Чем сломанной ноге костыль,

– Ты чего? – Мне было неясно, отчего на ее лице

И чем слону в Сахаре запах моря, возникли эти крохотные ручейки.

Но верный свет улыбочивого юга,

– Это мой любимый рассказ.

Не насилу, а вольностью томим,

16

Михаил Добрый

«27»

17

Спасибо небесам, что вы, моя подруга, выбор. Мы каждый день сталкиваемся с необхо-
димо-Так ласковы, как поцелуи нимф.

стью принимать решения, из-за которых наша жизнь
меняется положительно или отрицательно. Не прини-2 сентября
мать решения – это тоже выбор. Любой цивилизован-Милый Грум!
ный человек старается найти наиболее положительный

Уже осень. Представь себе, как быстро прошло время.

исход событий, даже в, казалось бы, безысходных ситуа-На днях разговаривал с руково-
дителем издательства.

циях. Вспомним хотя бы пресловутую задачку с вагоне-Кажется, издание одобрили.
Правда, тираж скудный, ткой: по рельсам бежит вагонетка, которую невозможно

всего 100 экземпляров, но лучше так, чем ничего. К тому

остановить, и впереди у нее два пути: налево и напра-же работа еще не закончена, пока
готова половина книги.

во. Слева на железной дороге стоит один человек, Надо поторопиться.

справа на путях – три человека. Куда свернуть вагонетке?

Логично, что в сторону с одним человеком, ведь тогда

ущерба меньше. Однако тут возникает этический вопрос.

Меня одолевает тревога. Возможно, туман давит
Допустим, теперь слева на железной дороге стоит
или одиночество так сковывает холодом.

старушка, а справа – ребенок. Куда повернуть теперь?

Звонил К. Сказал, что зайдет вечером. Старый добрый

Вот в таких случаях и проявляется человек.

К. – это школьные драки, пьяная юность, пролетарская

Через выбор.

молодость. Сейчас редко удастся остаться с ним наедине и просто поговорить. У него семья, работа, у меня

– вечная хандра, книга и М.

Выбор ли любовь?

Скучаю по нашим бесконечным спорам. ПоследС одной стороны, да, мы выбираем, кого любить, няя наша встреча закончилась почти ссорой: тогда

а от кого держаться в стороне. С другой стороны, любовь

мы рассуждали о выборе. К. считает, что выбор не всег-часто возникает спонтанно, независимо от нашего

да возможен, он плывет по течению и отдает право
желания.

выбора судьбе, чтобы снять с себя всю ответственность.

Любовь мне представляется некоей формой болезни, Я его понимаю, но не могу поддержать этого эпику-одной из самых мучительных и самых аморфных зараз, рейства. Это просто вычурно-безобразное отноше-которые ложатся пеленой на сердце и всегда дают разные

ние к жизни. На мой взгляд, выбор – это стиль жизни.

осложнения. Порой осложнения оказываются настоящим

Яичница или шоколад на завтрак – это выбор. Дружба

чувством, сохраняющимся на всю жизнь и приносящим

или вражда – это выбор. Обида или компромисс – это

носителю либо страдания, либо счастье. Кто-то пыта-18

Михаил Добрый

«27»

19

ется забыть о болезни и жить дальше, а другой просто
рии, я растворялся в них и уплывал в другой мир, совер-не способен преодолеть ее влияния и находит выход

шенно не похожий на тот, что меня окружал.

в забытьи.

Меня терзало сожаление о том, что Н. живет в городе, далеко от меня, что я не могу приехать и взгля-

нуть на нее, услышать голос, взять ее теплые руки

Видимо, М. – крепкая зараза.

в свои. Несмотря на это, мои ответы оставались сухи-ми и бездушными. Я не умел и не хотел писать много

3 сентября

и пафосно, мне не было интересно рассказывать о себе, Добрый вечер, дорогой Грум.

моя жизнь была мне тягостна, дни проходили за днями, Сегодня разобрал старые бумаги и наткнулся на кусо-похожие друг на друга – алкоголь, сигареты, сон. Это

чек радости, оставленный молодым мной мне нынеш-отравляло сознание, а потому было таким приятным.

нему – письма из далекого города, где я никогда не был, Ночами я пропадал в темноте улиц, бежал от самого

но всегда желал побывать.

человеческого дыхания. Единственным верным другом

Это было время моей юности, школьные, а потом

мне тогда была бутылка, наполовину опустошенная

и первые университетские годы. Письма от Н. приходи-моими мыслями о прошлом.

ли часто, почти каждый день. Я редко отвечал, считая, Так продолжалось около года. Ее

письма стали

что мои ответы будут лишними. Она писала так крылато, чувственными ангелами-хранителями. Н. писала расска-так одухотворенно. Рассказывала о своем дне, о планах

зы со своими собственными героями, битвами, сюже-на неделю, о проблемах с родите-

лями и о том, что хочет

тами, и хотя характер этих историй был мне чужд, наконец жить в своей квартире. Эти милые строчки были

я с радостью читал каждую точку, каждую ее запятую

забавны и по-своему наивны, но я любил каждое слово, или многоточие. Просыпаясь, я перечитывал их снова

выведенное легким, почти необдуманном движением

и снова, потом убирал в ящик стола, шел на учебу

руки. Вскрывая новый конверт, я думал, что же в этот

или работу, а возвращаясь, вновь перечитывал. И вот, раз Н. хочет рассказать своему

немому, безликому и дале-однажды проснувшись на полу, держа одно из писем, кому собеседнику.

я понял, что влюблен.

В то время я был отравлен первым своим расставанием.

Непостижимо! Как я мог влюбиться, не видя ее, Мне не хотелось говорить, не хотелось слушать, все мои

не слыша ее голоса, не зная даже, где она живет? Я все

мысли утопали тогда в озере прошлого, такого искрен-еще смутно понимаю, как это могло произойти, но стоит

не-жестокое, но все же упоительно-привлекательного.

признать, что сбежать от этого чувства мне было некуда.

Письма Н. спасали меня от самого себя. Читая ее исто-Влюбленность сделала мои письма к ней мягче, ласко-20

Михаил Добрый

«27»

21

вей, но я боялся этого больше всего на свете. Страх

на красном четырехколесном велосипеде проехала

оступиться и вновь провалиться туда, откуда ее слова

девчушка лет семи, со светлыми косами, в джинсовом

так долго извлекали меня, одолевал мое желание сознать-комбинезончике и белой фут-

болке. Улыбчивая, счастли-ся в чувствах. Что мог я предложить ей? Денег у меня

вая. Наверное, это ее первый велосипед.

не было, своих четырех стен тоже. Любовь не может
– Милое создание. – подумал тогда я.
жить на улице, ей нужен кров.

М. сказала, что хотела бы иметь такую дочь. Сердце
Я испугался. Мои тщетные попытки убедить себя
у меня тогда сжалось. Я вообразил себе, как на таком
в том, что я для нее не развлечение, нашли отраже-же красном велосипеде одним осен-
ним вечером

ние в письмах, что я отправлял. И отравлял. Я злился
у кафе, рассекая воздух, мчится наша маленькая дочка
на самого себя, изливая тревогу в грубостях и колких
– наивная, еще совсем не знающая зла, светлая девочка.
фразах. Несколько недель я не мог спокойно спать, думая

Я представлял, как она учится ездить, крутить педали, об Н. и ее чувствах, отчего стал
раздражителен. В конце

держат баланс и не падать, а я чуть подталкиваю ее
концов я не выдержал и оборвал переписку, так ни разу
вперед, как это делал мой отец, когда я был ребенком.
и не увидев ее в жизни.

Я взглянул на М. Она взяла мою руку и слегка сжала.

Я держу эти письма и чувство вины терзает их

В уголках ее глаз уже появились крошечные слезинки.

в моих руках. Мне хочется поскорее избавиться от них, Я знал, о чем она думает, и
поэтому сказал: но я не смею сделать этого. Сейчас мне бесконечно горь-

– Мы что-нибудь придумаем.

ко от осознания того, что я поступил неверно. Не потому
что переписка прервалась, а потому что так и не смог

11 сентября

признаться, насколько она была мне дорога.

Ее больше нет.

Ночью утопил рукопись в городском канале.

7 сентября

Абсолютно не тронуло.

Дорогой мой Грум,

Сегодня потеплело. И не только за окном.

13 сентября

Приходила М., читали «Дон Кихота». На первый

Прелестный мой Грум.

взгляд старая история для детей, а на самом деле великий

На улице туман. На часах почти четыре утра, труд. Рассуждали о литературе, потом
пошли в «Ореол»

а в здании напротив горит всего два окна. Чего им

выпить по чашке кофе. Как всегда, она пила кофе с моло-не спитесь? Вопрос, конечно,
глупый, ведь я тоже не сплю.

ком, а я – крепкий турецкий.

Стены снова скребют мышцы. Этот звук уже стал частью

Пока сидели в мягких кожаных креслах, за окном

моего дня, с ним я просыпаюсь, с ним я пишу, сидя

Михаил Добрый

«27»

23

за крохотным неудобным столиком, с ним же я снимаю
а мы стали ленивыми и примитивными.
с себя пальто, когда возвращаюсь домой темными
безлюдными ночами. Пожалуй, я не злюсь на них. Пусть

живут тут, в стенах моей комнаты, так я чувствую, Надо поговорить с матерью.
что не один в этом затхлом пространстве тишины и холода. Хоть одна живая душа, пусть
и мышьяная, будет рядом.

14 сентября

В любом случае это лучше, чем меланхолия, шепчущая

Здравствуй, Грум.

из-под кровати.

К. пригласил меня на ужин. Жена уехала куда-то, а ему

Начал новую рукопись. Купил в ближайшем мага-некомфортно оставаться одному в
квартире. К. – добрый

зине тетрадь потолще и пишу теперь в ней. Почему

малый, инженер на атомной станции, с двумя образова-я бросил прошлую тетрадь в
воду? Не помню. Разозлился

ниями, работник месяца уже не в первый раз, но жену

на что-то. На что-то, что сам и написал. Идиот.

выбрал, очевидно, вслепую. Она никогда не сидит

Через пару часов окна в доме напротив начнут заго-на месте, вечно где-то ходит, с кем-
то болтает, делает

раться одно за другим, а я так и останусь тут, на краю

все, лишь бы дома не появляться. Несколько раз я видел

кровати, с книжицей и карандашом в руках, в нижнем

ее в сопровождении какого-то мужчины. И хоть лицо

белье, но уже совершенно без сил. Потом оденусь, осве-этого мужчины каждый раз новое,
неизменным остается

жу лицо холодной водой, выпью кофе и поеду к мате-его бережно выглаженная руба-
шечка с короткими рука-ри. Кажется, мы не виделись больше полугода. Иногда

вами, синие джинсы с коричневым ремнем и серебри-с близкими лучше встречаться
редко. Тогда чувства

стой бляхой, и сияющая белым режущим светом улыбка.

набирают свою полную силу и ты готов их вполне отдать.

Она будто делает копии со своего любовника и выгули-Иначе же выходит эмоциональная
импотенция: пытаешь-вает их. Ее лисьи повадки недостаточно умелые, чтобы

ся выразить свою любовь, а получается одно: «Я нена-пустить пыль мне в глаза, но их
вполне хватает, чтобы

долго». Думаю, мы забыли, как разговаривать. Мы все

К. ничего не подозревал. А ведь она даже не пытается-чаще проводим время с теми, с
кем нужно, а не с теми, ся скрыть свои романы от публики. Сотни лиц, знаю-с кем хочется: с

коллегами и партнерами по работе, щих, что она замужем, видят ее в кинотеатрах и кафе

подчиненными, служащим персоналом. Язык любви

с молодым человеком, обнимающим ее тонкую талию

редуцируется, все что от него осталось – это «Я тебя

и нежно смотрящим на ее декольте. А обручальное коль-люблю» после очередной ночи с девушкой. Это вульгар-цо все так же красуется на длинном пальчике, вызывая но, гротескно и вычурно. Флобер мог описать чувства у окружающих осуждение и отвращение к столь вопи-на трех сотнях страниц, не произнося слова «Люблю», ющему поведению. Возможно, это ей и нужно – стра-24

Михаил Добрый

«27»

25

сти, порочности, приятного обмана собственных чувств

Вспоминаю о том,

вопреки чужому мнению. Приходя домой, она ложится

Как была ты красива

на диван, снимает туфли и просит К. сделать ей массаж

В свете алых небес

ног, от чего он не способен отказаться. Она рассказы-Уходящей домой.

вает ему, как они с подружками гуляли сначала в парке, потом ходили в кино, после обедали в недорогом кафе

Друг вновь уехал.

– ведь им с К. нужно накопить на машину – и снова

Возможно, в Иран.

гуляли по прелестным улочкам города пока не надое-В доме напротив

ло. Он верит, слепо верит во все ее истории и никогда –

Вновь горит свет.

другим. Сколько бы раз я ни говорил К. о том, как застал

Если тело –

ее с другим мужчиной в городе, он не желает слушать.

Это храм,

– Да брось, это просто коллега с прошлой работы.

В моем храме

– Это, наверное, был ее брат, смотри как они похожи.

Бога нет.

– Ну подвез ее кто-то, что мне теперь, скандал из-за

этого устроить? – И так он отвечает каждый раз.

Сардоническим смехом,

Ничто не способно переубедить его в желании дове-Скрывающим страх,

рять супруге. В этом вопросе он абсолютно непоколебим, *Прикрываемся,*

хотя фактов на руках у него больше, чем мог бы вытер-Пряча угли.

петь любой другой мужчина. Мне сложно понять его.

Правды нет ни в глазах,

Да, он любит свою жену, как никого другого, но зачем же

Ни в ногах,

позволять ей пользоваться этими чувствами.

Ни в стихах,

К. хоть и умный, но все же идиот.

Лишь искусство спасет

От любви.

21 сентября

В этом городе стало

24 сентября

Невыносимо.

Здравствуй, Грум.

Серым небом,

Я в больнице. Не помню, как сюда попал. Открыл глаза

Печалью,

и увидел белые стены, отражающие белый свет лампы, *Обидой,*

висящей на таком же белом потолке. Справа от меня

Зимой

стоит койка, соседей нет. Я один, хотя на прикроват-26

Михаил Добрый

«27»

27

ной тумбе рядом с койкой напротив лежат чьи-то вещи: жизни я общался с немалым количеством людей. Кого-наручные часы, два мандарина, бутылка минеральной то любил, кого-то недолюбливал, кого-то считал другом, воды и карандаш. Рядом – стойка капельницы.

кого-то считаю другом и сейчас. К сожалению, бывает

Больничные палаты сдавливают. Ненавижу это место.

так, что друг оказывается и не другом вовсе, а тем самым

В детстве часто бывал тут, врачи каждый раз говорили, мостом, пройдя по которому – порой испытывая боль, что больно не будет и каждый раз это оказывалось ложью, схожую с прогулкой по острым камням босиком – ты

нарушающей покой детской прозорливости и непосред-получаешь самое ценное, что может себе представить

ственности. Часы над входом и на тумбе показывают

человек нашего времени – опыт.

почти восемь часов утра. Как давно я здесь нахожусь?

Так произошло с О. Мы долго не могли понять, как друг к другу относиться: все вокруг видели в нас

пару, а мы просто приятно общались, выстраивая дружбу, Прошел почти час. В палату так никто и не пришел.

как кирпичный забор, защищающий от неприятностей.

Я попытался встать, но как только я сел в постели, сквозь

Мне нравилось гулять с ней по узким улочкам города, затылок словно прошла горячая пуля, остановившаяся

рассуждая о том, как может повернуться жизнь в буду-в районе лба, вызывая чудовищные страдания. Кажется, щем, вспоминая прошлое и совершенно забывая настоя вскрикнул и схватился за голову. Только тогда я заметил, ящсе. Как-то раз мы стояли с ней у пруда и делились

что она перебинтована.

болью. Разговор был тяжелый и самый воздух вокруг

Лежа тут, в неправдоподобно чистой комнате среди

тогда сгустился, но это было необходимо. Она никогда

осаждающих белых предметов, я вынужден теряться

при мне не плакала. Это ее яркая черта – не показывать

в мыслях о том, как сюда попал и почему я здесь. Нарас-слабость, всегда быть сильной и самостоятельной. Это

тающая тревога забралась ко мне под одеяло, неласково мне в ней и нравилось, и не нравилось одновремен-проводя рукой по ногам. Она легла у моего изголовья

но. Мы дружили уже пару лет, когда я приехал к ней и теперь шепчет на ухо самые безобразные сценарии. без звонка, с цветами, конфетами и кактусом – она
Нужно отвлечься, подумать о чем-то другом. Но о чем? любила кактусы, колючие, совсем как ее взгляд. В тот вечер я надел лучшую свою одежду, побрился, приго-

товил речь и взял такси. Было около десяти часов вече-В одной из своих книг Густав Флобер писал: «Есть

ра. Она не ожидала меня увидеть. Сама только вышла люди, назначение которых состоит в том, чтобы служить из душа – простая домашняя одежда, тапочки на крохот-посредниками: через них про- ходят, как через мост, и идут

ных ее стопах, старая, но уютная квартирка, пар, выва-дальше». Тяжело с ним не согла- ситься. За годы своей

ливающийся из ванной в коридор. Полотенце на голове
28

Михаил Добрый

«27»

29

придавало ей забавный вид, однако строгий ее взгляд и густым басом, – огласил мой диагноз на всю палату: говорил о том, что она не намерена была шутить.

– У вас сотрясение.

– Уходи.

– Какое еще сотрясение?

Это была превосходная глупость. В этом властном

– Сотрясение мозга. Помните, как попали сюда?

взгляде маленькой хрустальной девушки не могло быть

– Нет... Не помню. – Я решил сострить, чтобы располо-намека. Я все выдумал.

жить его к себе. – А вы?

Цветы, конфеты и кактус остались там же, на поро-

– А я помню. – Чувство юмора, видимо, было не его

ге, все-таки они были предназначены для нее. Я вызвал

сильной чертой. – Вас привезли на машине скорой помо-такси, сел на заднее сиденье,

разозлился на себя

щи. С какой-то заплаканной девушкой. Она сказала, за то, что так глупо поступил и уехал в ближайшее

на вас напали на улице.

питейное заведение, чтобы забыть о том, какой же

У меня в голове помимо боли проносились вопро-я фантастический дурень.

сы: «С какой девушкой? Это была М.? Почему на меня

напали?», однако задать их я не успел, врач ушел,

прошелестев своим идеально белым халатом и топая

По ком звонит звонарь?

громадными ногами. Эхо его шагов было слышно еще
Я не могу начать.

очень долго.

Дверь заперта ключом.

Остаётся стучать и кричать.

За запертым сводом металла

Звонил на работу, сказал, что в больнице, дали отгул.

Остатки памяти нашей,

Когда выйду, придется брать дополнительную работу.

Комочки разбитой мечты,

Все это совсем некстати.

Как будто комки в манной каше.

Разбитый окурком сурово,

25 сентября

Кую страх, как сифилитик.

Добрый вечер, Грум!

Мне б снова и снова и снова

Настроение у меня улучшилось, но голова все еще

Лишь глаз твоих строгих не видеть.

болит. Хочется сладкого пирожного и горячего крепкого кофе.

Услышал сегодня в коридоре между больничными

Заходил врач – здоровенный мужчина, с широкими

палатами необычный разговор между старшей медсе-плечами, очками в толстой черной оправе, щетиной –

строй, – это была полновесная женщина лет сорока, 30

Михаил Добрый

«27»

31

с пышной копной волос каштанового цвета и возраст-

– Хочется быть с мужчиной, который мог бы развеселить морщинками в уголках рта – и другой медсестрой

лить, когда мне не по себе, который приглашал бы меня

– лет двадцати восьми, с осиной талией, тоже каштановы-на свидания, восхищался бы моими образами, целовал

ми, но чуть более светлыми волосами, над верхней губой

бы утром перед работой, а не исчезал, не сказав и слова.

у нее был едва заметный пушок, а в глазах закрепился

Как Есенин! Да, точно, как он.

уставший взгляд. Говорили они – как это часто бывает

– Дура ты! Какой тебе Есенин, он женщин бил, а потом

среди женщин – об отношениях.

им же в любви признавался. Не нужен тебе такой.

— И что, не позвонил?

Найдешь еще.

— Нет. Просто пропал. Я ждала его час! – Несмотря

Обе женщины взяли подносы с пилюлями, вышли из-за

на эмоциональность, голос у молодой медсестры был стойки регистратуры и направились в разные стороны, певучий, приятный. каждая со своими мыслями.

— Вот скотина! Ну, ты не огорчайся, таких как он, будет еще выше крыши. – Сорокалетняя медсе-26 сентября стра махнула рукой над головой, подтверждая этим Эти белые стены сводят меня с ума.

жестом свои слова. Молодая девушка всхлипнула и продолжила раскладывать препараты в секции для их

хранения. Тут она сказала, понизив голос: Сдавал анализы. Уже в третий раз. На мои вопросы

— Правильно говорят: одиночество портит девушку.

отвечают неохотно. Что-то не так?

— Ты это к чему?

— Да я уже забыла, что значит женщиной быть.

Я за последние два года наряжалась и красилась толь-Не сходить ли в больничную библиотеку?

ко на дни рождения, всю мебель в квартире сама собрала, в кино не хожу, не с кем. Что уж там кино, когда

29 сентября

я в кафе за эти годы была всего раза три. Каждый раз

Здравствуй, Грум!

черный кофе и мечты о лучшей жизни. – Думаю, в этот

Ура! Меня наконец отпустили домой!

момент ей хотелось зарыдать, но на рабочем месте она

Этим врачам лишь бы людей мучить.

не могла позволить себе этой роскоши. Она опусти-Пока лежал, понял, что по уши влюблен в блюз.

ла голову так, чтоб глаз видно не было. Вслхлипнув

У стойки регистрации стояло – пусть и допотопное, и часто заморгав, молодая медсестра продолжила гово-но работающее и приносящее хоть какую-то радость

речь, но уже скорее в пространство, чем с кем-то извне.

на территорию этих белоснежных халатов и таких же

32

Михаил Добрый

«27»

33

белоснежных стен – радио. Играл блюз, и это было

на его месте рождается гениальность. Ван Гог, Достоев-бесподобно! Лучше ничего в жизни не слышал! Или так

ский, Врубель, Гоголь, Бетховен.

мне показалось на фоне практически идеальной тишины?

Не лучше ли быть посредственностью?

Думаю, необходимо сходить на какой-нибудь концерт.

Лучше один раз услышать это вживую, чем миллион раз

2 октября (2:38)

по радио.

Приснился сон.

Я стоял за стойкой одного из очевидно европейских

баров. В воздухе царил запах крепкого мужского одеко-Совсем забыл – М. сказала, что на нас действительно

лона и ирландского виски, а в зале играл джаз времен

напали какие-то идиоты. Хотели ограбить, пока мы шли

Скотта Фицджеральда. Этот запах мне точно знаком, так

домой из театра. Произошла драка, один из этих подон-как В., давний знакомый, был некогда коллекционером

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.